

Г. Г. СТРАТАНОВИЧ

ПОЕЗДКА В БИРМАНСКИЙ СОЮЗ

В конце декабря 1956 г. мы — два советских ученых — прибыли в Рангун. В мою задачу, кроме помощи моему спутнику А. Н. Узянову — старшему научному сотруднику Института Востоковедения АН СССР — в деле подготовки сборника «Бирманский Союз»¹, входила проверка материалов написанной мной по литературным данным статьи о Бирманском Союзе для тома «Народы Юго-Восточной Азии» издаваемой Институтом этнографии Академии наук СССР серии «Народы мира». Естественно также, что мы оба, учитывая предстоящий фестиваль молодежи в Москве и вообще большой интерес советских людей к дружественной Бирме, стремились увидеть своими глазами современную жизнь, быт и культуру ее народов, с тем чтобы по возвращении на родину дать возможно более полное представление об этой стране нашим читателям и слушателям. Готовясь к поездке по Бирме, мы разработали план посещения не только Рангуна и собственно бирманских районов страны, но и ознакомления с жизнью почти всех ее основных народов. План этот был уточнен и изменен после встречи с лидером АЛНО (Антифашистской Лиги Народного Освобождения), а ныне вновь премьер-министром У Ну и секретарем премьер-министра У Таном. Благодаря их советам и указаниям был выработан точный маршрут. В каждом из пунктов, намеченных планом, нас ждали и оказывали всяческое содействие. Министерство информации Бирманского Союза для сопровождения нас выделило сотрудника министерства У Тей-ин Хана, широко образованного человека, который не только любит, но и знает свою родину и ее национальные окраины.

Полмесяца до поездки по стране и девять дней по возвращении из нее мы провели в Рангуне. Здесь мы завязали связи с бирманскими учеными, побывали в Университете, в музее Джубилей Холл — хранилище рукописей на полосах из пальмового листа, в Обществе переводов (научный центр, подобный Ученому Комитету МНР); посетили основные буддийские храмовые ансамбли города: Суле-пайя, Шве-дагон и Пагоду мира; осмотрели джутовую фабрику, строящиеся фармацевтический и сталепрокатный заводы, паровозо- и вагоноремонтные мастерские, а также жилые кварталы рабочих этих предприятий, пригородную деревню и поселок докеров.

Много времени занимало у нас наблюдение уличной жизни города и фотофиксация ее. Внимание путешественника привлекает красочная картина жизни бирманской столицы: костюмы ее многонационального населения, утренние и вечерние базары, лавки-мастерские, уличная торговля книгами (продавцов книг и канцелярско-школьных принадлежностей на улицах Рангуна очень много, спрос на эти товары все растет), ряды уличных парикмахеров и астрологов. Бросается в глаза сосуществование различных видов транспорта: великолепные легковые автомашины, пассажирские джипы и автобусы рядом с велорикшами, с пони, запряженными в старинные узкие кареты или двуколки с крытым верхом, и с грузовыми арбами. То и дело встречаются продавцы сока сахарного тростника, кокосовых орехов, холодной воды, фруктов и цветов (цветы — излюбленное украшение дворов и внутренних помещений дома — считаются также лучшим подношением Будде). Все это так ново и увлекательно, что постоянно чувствуешь недостаток времени и сожаление, что нельзя одновременно побывать в различных местах города и охватить отдельные моменты его быта в их взаимосвязи.

В середине января мы отправились в путешествие по стране. План поездок был составлен с расчетом на то, что Мандалей — сердце этнической территории собственно бирманцев — служил пунктом, откуда мы совершали выезды в национальные области. Из Рангуна мы вылетели в государство Шань, которое входит в Бирманский Союз на правах одной из шести его основных частей. Климатически шаньское государство — одна из лучших зон Союза. Озеро Инле привлекает туристов красивыми пейзажами, круглогодичной возможностью купаться и спецификой гребного спорта (здесь распространена гребля с помощью ног). Но нас не привлекал обычный туристский маршрут. Встретивший нас чиновник Министерства информации шаньского государства — молодой, очень энергичный бирманец Сао Мочжи — оказался связанным родственными уза-

¹ Выпуск такого сборника на русском и английском языках намечен на начало 1958 г. с участием бирманских авторов.

ми с несколькими семьями шаньских князей. Благодаря ему мы имели возможность посетить княжество Самока и побывать в доме князя в столице этого княжества — гор. Аунг-Бон. Двухэтажный дом князя напоминает феодальный замок первой половины нижнего этажа, занятой под тронный зал. Здесь круглосуточно дежурят два телохранителя. В специальных стойках укреплены старинные копья и золотые зонты — показатель ранга князей Самока. Прежде в дни торжественных приемов сюда являлись с дарами представители всех 360 деревень княжества. На тронном возвышении в зале расстланы ковер. Старинная вышивка бисером и стеклярусом по темно-вишневому бархату составляла задник этой своеобразной сцены. На троне, состоящем из круглого красного матраса, опираясь на красную же ватную призму, восседал князь. Сейчас князь Самока представляет шаньское государство в Союзном парламенте. Номиналь-

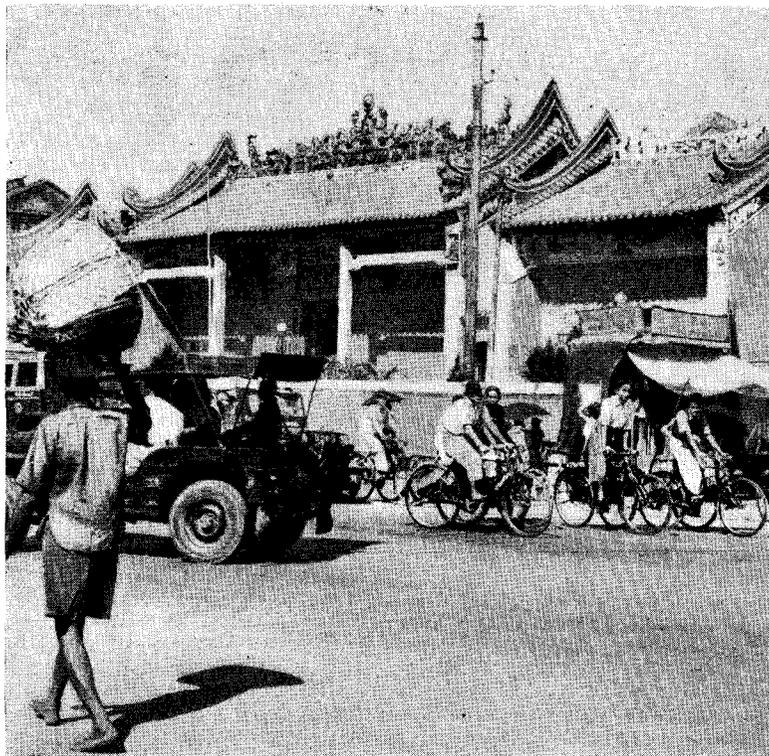

Рис. 1. На одной из улиц Рангуна. В глубине — китайский даосский храм

но феодальный строй ликвидирован. Князья заявили о готовности уступить государству земли (за выкуп) и административную власть, с тем чтобы получать субсидии у государства и представлять государственную администрацию на местах. Однако князья и поныне сохранили огромное влияние на бывших своих подданных. Одна из причин сложности политического положения в стране — это именно сепаратистские настроения неофициально сохраняющегося совета шаньских князей.

Население княжества Самока (около 6000 чел.) многонационально. Здесь мы видели шань, дану, бао (последние известны в литературе под именем карен-гаунгу), лису и другие народы. В курортной местности — гор. Кальо — нам встретилась группа спустившихся с гор палаун (самоназвание их — таан). Наши спутники уверяли, что «палаун» — это бирманское их название, так же как «ва» — шаньско-китайское.

Интересна природа этого района. Покрытые лесом горные пики прорезаются глубокими долинами мелких рек. Сосновый лес обрамляется рядом кактусов. Сосну, кактус и бамбук можно встретить в одной куце. Основной летней культурой является заливной рис (часть сортов его, как и у всех народов таи, принадлежит к числу «клеящих»), основной зимней культурой — прекрасный рассыпчатый картофель. Большое количество картофеля вывозится в другие районы страны и даже за пределы ее — в Индию и Пакистан.

Второй наш дальний выезд был связан с посещением озерных жителей: поселка рыбаков и двух деревень шелкоткачей Имбоку и Йоме. Выехав из гор. Таунджи по тракту на Хэхо, мы свернули в гор. Яунгхве, откуда начинается канал, ведущий к

Инле. Начальным своим коленом канал подходит к городскому базару. В этом отрезке канала всегда теснятся лодки-долбленки, груженные апельсинами, рыбой, озерной «травой», или ожидающие пассажиров мотоботики (те же долбленки, но с навесным мотором). Лодки сделаны из одного ствола, без фальшбортов. Нос и корма их обычно фигурно вырезаны (в форме «хвоста селезня»). В северных районах страны у качин лодки того же типа, но без выреза и меньшие по размеру. Длина грузовой лодки на Инле достигает 25 м. Как мелкие, так и крупные лодки для устойчивости обычно имеют

Рис. 2. Народность лису: а, б — девушки из южношаньских районов в национальной одежде; в — мужчины из княжества Лои-Лэм

по бортам стволы сухого бамбука крупного диаметра. Гребут стоя, длинным узколопастным веслом или сидя на корточках, коротким лопатообразным веслом. При перевозке грузов широко используют толкание шестом.

Почти у самого входа канала в озеро расположено селение рыбаков. Почва здесь неустойчива и как бы составлена из ряда островков. На одном из них у свайного дома во дворе стояло десятка два буйволов. Озеро мелеет. Ежегодные пожары камыша и расчистка сети каналов дают золу и ил, которые нагребаются на наиболее устойчивые участки, превращаемые в огороды. Буйволы вплавь добираются до пастбищ. На

Рис. 3. Юноша (слева) и девушки палаун

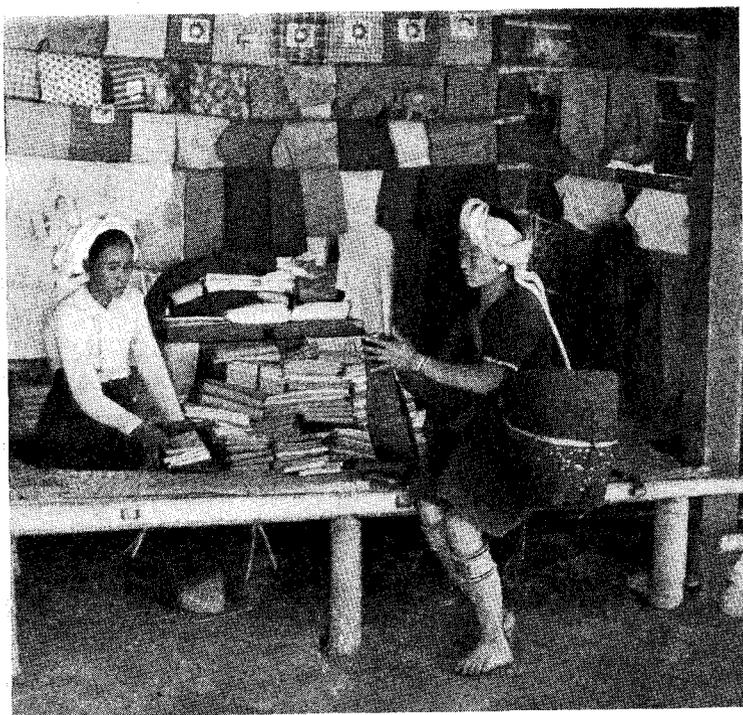

Рис. 4. Женщина палаун покупает ткань на базаре в Кальо

кольях в том же двореке растягиваются сети; под домом лежат верши и вершеобразные большие конусы, которыми рыбак накрывает стоящую в тине на мелких местах озера рыбу, а затем бьет ее остройгой через отверстие в вершине конуса. Ловят рыбу также «пауком» и переметами.

Деревни Имбоку и Йоме славятся шелкопрядением. Кооперативами шелкопрядильщиков и ткачей охвачено 1900 семей этих двух деревень и других близлежащих селений. Кооператив имеет снабженческо-сбытовой характер. Членство в нем ближе к акционерному участию в деле, чем к совместному труду. Производство же организовано по типу мелкой частной мануфактуры, причем иногда работают на дому. Зарботки ткачих не превышают 2—3 *чжа* в день. Охрана труда, как правило, отсутствует. Освещение и вентиляция рабочих помещений не на высоте. Но уже и то, что ростовщик-поставщик сырья и скупщик готовой продукции вытеснены кооперативом,— несомненно, положительное явление.

Рис. 5. Поселок рыбаков в Яунгхе (народность шань)

Меня, как этнографа, особенно интересовали физический тип и материальная культура «интха». По преданиям «ин» — это группа бирманцев, еще в XIII в. осевшая в труднодоступных топких районах у озера. Регулярные связи их с внешним миром возобновились лишь в конце XVIII в. От бирманцев Рангуна и даже Мандалея ин отличаются не только хозяйством (хотя у бирманского населения Амарapura близ Мандалея тоже основным занятием является шелкоткачество), но и по физическому типу. Жизнь ин весьма своеобразна. Мы видели, как закончились занятия местной школы и десятки лодок с юными гребцами отправились домой. На лодках же отправляются ин по делу или в гости к соседу. Единственная сухопутная связь — это мостики, переброшенные через основные каналы к буддийскому монастырю. С наступлением сумерек магистральные каналы деревни запираются на замок и, видимо, охраняются.

На обратном пути в деревню Няшуй (в 7 милях от Яунгхе) мы наблюдали буддийское празднество в честь основания местного монастыря. Празднование длилось неделю и складывалось из посещения мирянами монастыря и монахами — крестьян и их гостей, а также вечерних развлечений: уличного выступления театра на открытой сцене и многочисленных и довольно разнообразных форм местных игр (типа рулетки).

Третий выезд из Таунджи имел целью ознакомление с образцовой деревней бао — Мейню. Одной из конкретных практических задач этнографов Бирмы является активное участие в работе отрядов «обучения масс» (Mass education). Таких отрядов создано 18. Каждый из них включает педагогов, врачей, инструкторов по ткачеству, кузнечному делу и другим ремеслам, применительно к специфике хозяйства народностей, у которых отряды работают. Отряды «обучения масс» («Массобуча») ² направляются в селения культурно и хозяйственно отсталых народностей. Деревни, где отряд обособивается, становятся образцовыми «центрами обучения масс». Жители их приучаются к содержанию селения в чистоте (что не всегда свойственно и городам), убеждаются в преимуществах типовых жилищ, знакомятся с передовыми методами земледелия и ремесленного производства. В центре деревни на общие средства создается общинный

² В Бирме очень в ходу сокращенные названия.

клуб, где проводятся лекции и занятия ликбеза. При клубе действует потребительский кооператив, спортивная база, проводятся врачебные консультации и оказывается первая медицинская помощь. Постоянно живя среди малых народов и завоевав доверие их, этнографы имеют хорошие возможности для записи фольклора, наблюдения обрядов и обычаев, изучения изменений в национальном костюме и материальной культуре вообще. Вместе с тем этнографы могут содействовать ознакомлению малых народов с бытом и обычаями их соседей и т. д.

В самом гор. Таунджи мы ознакомились с единственным в Бирме кооперативным предприятием по производству мясных и фруктовых консервов, с опытными сельскохозяйственными станциями, с жилым строительством и планировкой города, с постановкой дела народного образования в государстве Шань, одной из особенностей которого является демократизация прежнего аристократического учебного заведения Камбоза-колледжа. Во главе этого колледжа стоит видная исследовательница этнографии Бирмы, автор ряда научных и научно-популярных работ д-р Ми Ми Канн.

В Таунджи и близ Хэхо мы посетили базары в ярмарочные дни. Такие базары дают возможность наблюдения национального костюма всех народностей близлежащих районов.

Из Шаньского государства мы отправились в гор. Лойко — столицу государства Кая. Лойко резко делится на старый город, расположенный близ монастыря на скале и резиденции бывшего князя Кантаравати, и новый город с госпиталем, театром, административным центром (где размещены канцелярия резидента — главы административного управления государства Кая У Эй Мья Лея, министерства и т. д.), школьным кварталом, аэродромом, полицейским управлением и католическим храмом³. Новый город Лойко на 80% существует лишь на плане, но, с гордостью показывая нам новое здание школы и жилые дома для преподавателей, любой из добровольных гидов уверенно называл, что «будет» на пока еще пустых участках, поросших вековыми баньянами.

Благодаря любезности У Эй Мья Лея, предоставившего в наше распоряжение на два дня транспорт (кстати сказать, это была машина Горьковского автозавода), мы смогли посетить электростанцию Ло Пито (японский поселок, здание проекта, дома рабочих у водопадов, поселок инженерно-технического персонала), государственный госпиталь-курорт Прусоу, центр бывшего княжества Мопье, близ которого расположена деревня народности падаун (точнее подразделения ее — латха). Падаун часто упоминаются в английской и американской этнографической литературе как образец примитивности, причем ссылаются на обычай ношения женщинами тяжелых шейных, ножных и ручных спиральных браслетов из латунной толстой проволоки. Интересно, что такие украшения отмечены только у трех народов Востока. Во всех трех случаях они свидетельствуют о развитых меновых отношениях; это — украшения-сокровища, возникновение которых, вероятно, найдет объяснение при сопоставлении с местной меновой (или, точнее, уже денежной) единицей. В настоящее время женщины падаун все чаще отказываются от ношения латунных браслетов.

На базаре в Мопье нам удалось увидеть девушек геко (одно из подразделений каренов) в национальных костюмах, сейчас надеваемых очень редко.

Один из дней нашего пребывания в государстве Кая мы посветили посещению деревни так называемых «старых кая», в хозяйстве которых большую роль играет сезонная работа мужчин на лесоразработках. У многих жителей деревни имеются рабчие слоны. Здесь мы осмотрели жилище (типичный для кая и каренов сдвоенный дом), орудия рыбного лова, музыкальные инструменты и т. д. Деревню горных кая мы посетили близ госпиталя Прусоу. Ознакомление с костюмом всех основных подразделений кая позволило представить себе процесс развития женского костюма от нешиитого саронга (от колен до подмышек), высоко повязываемого с помощью шарфа, до современного костюма, состоящего из классического саронга, кофточки-безрукавки с одной плечевой застежкой, поясного шарфа и пелеринки (вместо традиционного праздничного плаща).

У кая обращает на себя внимание большой культовый барабан «фази» (phazi), ударная поверхность которого вошла в герб государства Кая (этот же символ входит в герб государства каренов). Бронзовые барабаны такого типа известны только у кая и каренов Бирмы, у чжуан и мяо в Китае и у горных таи северного Вьетнама и Патет-Лао. Орнаментация верхней плоскости барабанов во всех трех районах их использования полностью совпадает. У чжуан по краю ее имеются фигурки слонов, черепах и лягушек. У кая и лао — только лягушки (одиночные или по три, одна на другой). Форма полого корпуса барабана у кая и чжуан совпадает; у горных таи она отлична. Использование барабанов различно во всех трех районах: у лао и горных таи это предмет почти музейного значения; у кая барабан используется в культовых целях; у чжуан барабаны имеют меновую ценность и сохранили значение сокровища — показателя социального веса семьи, владеющей ими.

Из Лойко мы вылетели в гор. Мандалей и оттуда в столицу государства Качин. Интересно, что в материалах министерства информации этноним качин (бирманский по происхождению) поясняется из бытовавшего в феодальном Китае термина «е жэнь»

³ Среди населения государства Кая значительное распространение получило христианство.

(дикарь). Вполне понятно, что в официальных документах Бирманского Союза вместо термина качин все чаще употребляются их самоназвания, из которых преобладает цзин-по (это же самоназвание бытует и в Китайской Народной Республике). В государстве Качин мы побывали у истоков Иравади. Место слияния рек Нмайка и Малика, образующих Иравади, почитается как священное, и купание «в первой струе Иравади» считается исцеляющим. Здесь мы застали группу старателей, моющих золото при помощи лотков, высланных вместо шкуры сердцевинной ствола банана. В деревне, в 5—7 км ниже по Иравади, мы осмотрели устройство для лоткового лова рыбы. Это забор, перегородивающий крупный ручей. В средней части забора имеется проем, куда вделан наклонно идущий плетеный лоток. В период паводка лоток на три четверти скрыт водой. Масса рыбы, попадая в нижний широкий конец лотка, вытесняет передние ряды

Рис. 6. Переправа через р. Могаун-чаун в долбленке, укрепленной по борту стволами бамбука (народность качин)

косяка прямо на лоток, где рыбаки могут брать рыбу руками. Этот способ лова распространен у ряда народов Юго-Западного Китая. В другой деревне, близ Митчины, мы посетили курсы обучения ткачеству (в частности, изготовления местной шерстяной ткани, идущей на парадный национальный костюм).

В государстве Качин мы ознакомились со строящимся сахарным заводом и с подсебно-огневой расчисткой леса под плантации сахарного тростника. Сваленные деревья убираются или сжигаются на месте. Корчевка и пожог пней ведется постепенно и растягивается на длительное время; зола служит удобрением. Недостаточное развитие оросительной системы и слабое применение удобрений мешают круглогодичному выращиванию сахарного тростника (а это будет лимитировать загрузку завода). Побывав на опытной сельскохозяйственной станции, мы убедились, насколько сковывает развитие пищевой промышленности, а вместе с тем и улучшение питания населения, недостаточная пропаганда передовых агротехнических методов.

Специальный выезд в гор. Могаун позволил нам ознакомиться с обработкой нефрита (отбор выловленных валунов, пробная шлифовка, распиловка, затем процесс выточки изделий), с устройством лодок, с дорожным строительством, а также с селением, где важнейшее место занимает длинный дом — храм почитателей натов. Перед входом в этот храм расположены бамбуковые шесты. Часть из них расщеплена в верхней части; отогнутые концы образуют конусную «корзинку», куда кладутся трубки — вместилища натов. К тонкому удлиненообразному концу других подвешены изображения солнца и месяца, ленты и т. п. Несколько в отдалении от входа стоят крестовины, расписанные белыми и красными земляными красками. Это — знаки, указывающие, что именно здесь убивали жертвенного буйвола. Внутри храма — три алтаря: один цен-

тральный с расписной крестовиной и два боковых с черепами буйвола и быка на бамбуковом шесте. Над алтарями в пазы покато́й крыши воткнуты палочки со стружками (по форме напоминающими инау или японские гохэй) и подвешены «календари» из закопченных скорлуп куриного яйца. В доме четыре подвесных очага, но живут в нем всего две малые семьи. Глава дома и хранитель храма — саубва (правитель, глава «рода», обычно переводится «князь») этого селения. Следует подчеркнуть, что среди верований натопочитание преобладает и у цзинло, и у чинов.

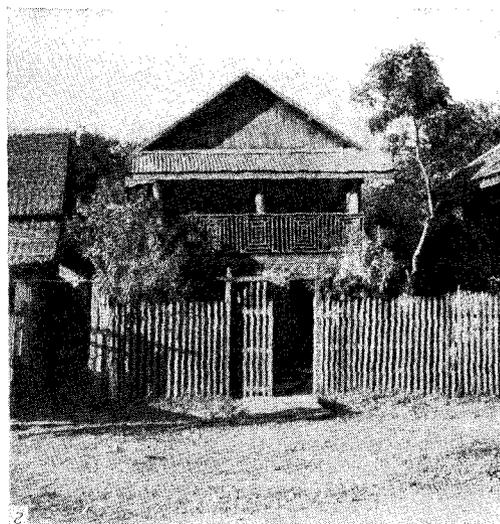
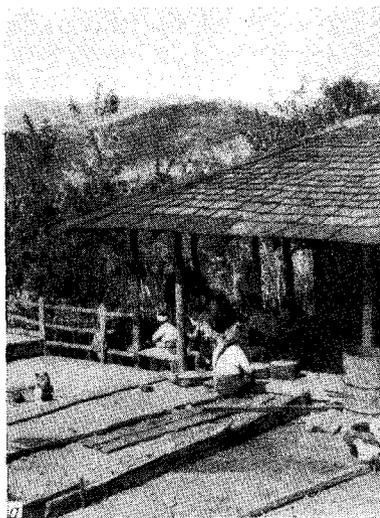

Рис. 7. Типы построек у народов Бирмы: а — дома с двором-верандой, дер. Тунзаа (народность чин); б — дом рабочих электростанции Ло Пито (народность кая); в — дом с крытой верандой в Таунджи (народность шань); г — дом на фундаменте в г. Мандалей (бирманцы).

В Митчине, где проживает много китайцев, мы наблюдали карнавальное шествие с драконом, которым отмечается китайский Новый год. Судя по описаниям, здесь он сохранился в более «чистой» форме, чем в самом Китае.

Из Митчины мы спустились на юг в Мандалей поездом. Медленное движение поезда и ночные стоянки (в ночное время движение речного и железнодорожного транспорта прекращается) позволили наблюдать бытовые сцены на станциях и в полях. Так, например, мы видели приезд китайских шзя (тай наа) на храмовый праздник одного из монастырей северной Бирмы. Свободный переход государственной границы туда и обратно в этих случаях явление самое обычное. На другой станции мы были поражены «львиным рыком». Оказалось, что «рычат» слоны, тянущие на цепях огромные бревна тика к погрузочной площадке у железной дороги.

После дня пребывания в Мандалее мы вылетели на запад в Калемь, откуда начинается горная дорога в северную часть Чинской особой области⁴. Здесь, при содействии главы местной администрации, посетили деревню Тунзаа, расположенную почти на индийско-бирманской границе. Эта деревня очень интересна для историко-этнографического изучения. Основана она в начале 90-х годов XIX в. одним из «князей» поселка Тиддима, который возглавил в 1887 г. борьбу против английских захватчиков, а затем, когда в Тиддима удержаться уже было трудно, увел своих «подданных» в Тунзаа. Деревня расположена на крутых склонах горы, поэтому дома стоят на высоких сваях. На сваях же укреплены и искусственные «дворы» — дощатые площадки размером 30—40 м², на которых проходит вся хозяйственная жизнь семьи. Дома прямоугольные в плане. Крыши, четырех- или двускатные, крыты рифленным железом (у богатых) или плоской черепицей из местного шиферного сланца. Этот сланец — цвета

Рис. 8. Старик бутафор вышивает театральный костюм (гор. Мандалей)

коричнево-красной яшмы — оказался богатейшим материалом для памятных стел, которыми чины по традиции украшают алтари натов, усыпальницы вождей и вход в селение. Более древние, деревянные резные памятные доски имеют в верхней части два выступа, которые увенчиваются черепами коз. Большинство шиферных стел, украшающих вход в деревню Тунзаа и усыпальницу вожда, представляет собой барельефный рисунок — запись деяний и сцены смерти наиболее почетных жителей деревни. Вместе с тем это, несомненно, образцы высокого художественного вкуса и искусства чинских мастеров резьбы по камню и дереву.

В деревне Тунзаа мы видели бамбуковый «водопровод» из половинок расщепленных вдоль стволов бамбука, находящихся одна на другую и укрепленных на высоких козлах. Такой водопровод, принимая воду из горного ручья иногда в 2—3 км от деревни, подводит ее к дому. Из всех домов деревни резко выделяется дом «князя», построенный в виде крепости. Во дворе дома имеется колодец-цистерна для хранения воды и сарай, в которых прежде запасали соль.

В Тиддима, одном из административных центров этого района, как и в Лойко, многое еще строится. Особое развитие получили в связи с этим кирпичные заводы.

⁴ Как и качин, термин чин не самоназвание; считающиеся этнонимами названия подразделений чин — тиддим, фалам и другие — топонимические термины (в частности название поселка Тиддим означает «Чистый ключ»). Самоназвание преобладающего большинства чинов — лайми. Из известных прежде самоназваний бытует «шо», но это не основная группа чинов.

Строятся новая школа-интернат и дома для учителей. Строятся дома вдоль только что вырубленных в склоне холма улиц. Расчищаются участки для садов ниже поселка.

Из Чинской области мы вновь вернулись в Мандалей. В общей сложности мы провели в Мандалее неделю. Здесь мы осмотрели буддийские храмы, развалины королевского дворца⁵, местный музей и библиотеку, филиал университета, педагогический институт, ткацко-прядельный институт, госпиталь, школу искусств⁶, ряд предприятий, Дом культуры и социального обеспечения рабочих, лавки, мастерские, базар. Но большая часть времени была посвящена ознакомлению с жизнью ремесленников. В Мандалее сохранилась квартальная специализация. Конечно, цеховая организация давно подорвана конкуренцией; правовое положение объединений ремесленников не было признано английской колониальной администрацией. Но до сих пор до 50 видов производств размещены территориально компактно. Квартал скульпторов, выполняющих изображения Будды, индуистских божеств и натов, примыкает к кварталу мастеров изделий из ажурного железа (интересно, что древние виды декоративного искусства бирманцев — стеклянная мозаика и ажурное железо — часто соединены в одной мастерской). Но квартал, где производится золотой лепесток, расположен довольно далеко от квартала, где из бамбуковой массы выделывается прокладочная бумага для его упаковки. Лаковое же производство, в котором широко используется золотой лепесток, находится даже не в Мандалее. Мы осмотрели также производство мебели, зонтов, национальной обуви, мячей «чинлон», поддельного нефрита, кожаных изделий, ювелирных изделий, деревянной скульптуры, театральных костюмов и реквизита и т. д. Два выезда были сделаны к шелкоткачам Амарапур и серебряных дел мастерам Сагаина.

Из Мандалей на небольшом пассажирском пароходе мы спустились вниз по Иравати к древней бирманской столице (II—XIV вв.) — гор. Пагань. Река в сухой сезон настолько мелеет, что провести по ней даже небольшое судно очень сложно. Возникает ряд больших и малых островов; часть из них временно заселяется рыбаками; многие распахиваются под кукурузу и другие культуры. Ночевка в пути позволила нам познакомиться с условиями труда и быта грузчиков, увидеть временное жилище рыбаков, их развлечения (в частности, петушинный бой), утренний лов рыбы.

Вследствие обмеления реки мы высадились в Няунзу в 6 км от Паганя и на машине отправились в город. Древняя резиденция бирманских королей как память об их былом могуществе хранит огромное количество культовых сооружений: ступ-реликвариев, пагод, храмов. Многие из них утратили белую штукатурную отделку и гармонируют темно-красной расцветкой своей кирпичной кладки с темной зеленью растительности. Ряд храмов, поддерживаемых в сохранности или недавно восстановленных, сверкает белизной стен и золотом шпильей. Великолепные фрески украшают стены пагоды Упалитейин, храмов Нандаманья, Пайятонзу и др. В Ананда-пагоде поражают скульптуры и барельефы, украшающие внутренние стены. Большой интерес представляют храмовые ансамбли Бу (пагода, построенная во II в. н. э. в честь ната — повелителя бурь и громов) и Швезигон (пагода конца XI в.), где в скульптуре представлены все 37 нат-ов пантеона этой буддийской религиозной системы. Интересно, что один из малых храмов этого буддийского ансамбля посвящен двум могущественным натам; и до сих пор хранителями святых здесь являются женщины. Буддизм впитал местную религиозную систему «натопочитание». Многие из нат-ов (например, Локапала) в представлении народа трансформировались в последователей Будды.

В Пагане имеется археологический музей, где хранятся ценные памятники эпиграфики на языках мон, пью, пали и др., а также бытовая и культовая скульптуры и несколько предметов дворцового обихода (туфли из рога носорога, своеобразные калоши и т. п.). К сожалению, в музее никак не отражены раскопки азиатской культуры, нет археологической карты Бирманского Союза. В целом музей построен как кунсткамера.

Город Пагань знаменит также своими великолепными лаками: полихромным коромандельского типа, черными с золотым лепестком, кирпично-красными с золотым лепестком и черными расписными.

Из Паганя мы вновь по Иравати спустились на юг до Янаньцяуна⁷ и далее до Магве. Перелетом из Магве в Рангун наша поездка была закончена. За время поездки мы проехали 1131 км автотранспортом, 485 км поездом, 366 км водным транспортом и 1600 км самолетом.

Время нашего пребывания в Бирманском Союзе было выбрано неудачно с точки зрения возможности наблюдать народные празднества. Мы прибыли позже праздника

⁵ Он был варварски разрушен в конце второй мировой войны английской артиллерией, предпринявшей обстрел дворца с целью выбить из него японский гарнизон численностью в 7 человек.

⁶ В этой школе дети и юношество обучаются живописи, лепке, национальным танцам, игре на национальных и европейских инструментах.

⁷ Прежде это был основной центр добычи нефти. Сейчас вследствие разрушений, причиненных войной, и нежелания английской нефтяной компании восстанавливать его Янаньцяун представляет собой мертвое поле.

костров (в 1956 г. падавшего на 15 ноября) и уехали ранее празднества воды, который в бирманском календаре совпадает с новогодним празднеством (в 1957 г. — 16 апреля). Из празднеств сельскохозяйственного года мы наблюдали праздник риса (в 1957 г. он проводился 16 февраля), соответствующий китайскому зимнему празднику «лаба». Этот праздник осмыслиется как опробование урожая зерновых культур. В сельских районах в нем участвует, видимо, вся община. В городе для проведения празднества объединяются по кварталам (мы участвовали в празднестве, организованном коллективно жильцами двух новых многоэтажных домов, выстроенных муниципалитетом Рангуна по 50-й улице). Храмовые празднества мы наблюдали в Няншуе (государство Шань) и в Магве, где политический праздник «День единства народов страны» совпадает с днем празднества в лагоде «Отдохновения Будды». Из политических празднеств мы имели возможность наблюдать народные гуляния в честь 9-й годовщины Дня Независимости (4 января 1957 г.). Еще за несколько дней до этого дня город был красиво

Рис. 9. Национальная одежда женщин качин

убран и начались праздничные встречи и собрания различных обществ. 4 января в 4 ч. 20 м. утра (указанный астрологами счастливый час для объявления Бирмы независимой страной) все население столицы было поднято длительными мощными гудками пароходов, заводов, паровозов и т. д. С этого момента улицы столицы были полны народа. Утром состоялся праздничный парад. Вечером в центральном сквере у Обелиска независимости происходило массовое гуляние. Здесь выступал коллектив китайского цирка, проводились лотереи, состязались команды мастеров «чинлона». Выступления театральных коллективов были организованы в квартальных скверах и на улицах. Проезд по улице прекращался, воздвигалась временная эстрада, зрители располагались перед ней на циновках во всю ширину улицы. Представление включало одноактные пьесы, пение, сольные и групповые танцы. Особенно красочным был танец — дуэт с собственной тенью, что достигалось с помощью световых эффектов. Ночные представления на улицах продолжались 5 и 6 января.

Поездка в Бирманский Союз дала возможность выяснить ряд важных вопросов и собрать интересный этнографический материал. Так, сравнительно большой материал собран по народной и храмовой архитектуре, причем выяснилось, что свайные жилые дома наименее характерны для Мандалея; наибольшей высоты сваи отмечены у чинов,

где это оправдано профилем местности, и в районе Пегу, древней столицы бирманских мон — талаин⁸.

Архитектурные особенности жилого строительства, восходящие к монам и их культуре, заставили вернуться к проблеме монов, занимающей сейчас вновь ученых Бирмы, Таиланда, СССР, США, Англии и других стран. В среде бирманской интеллигенции имеется тенденция относить монов к числу своих предков и тем самым причислить себя к потомкам древнейшего населения полуострова, к кругу ученых и воинов некогда обширной мон-кхмерской империи. Моны действительно оказали существенное влияние на формирование культуры и даже физического типа бирманцев. Учитывая их историческую роль, ученые Бирмы тщательно изучают древнейшие монские надписи на стенах и манускрипты; издаются монско-бирманские словари, собираются образцы монского фольклора и литературы. В 1955 г. в гор. Моульмейне созданы монский музей и библиотека. Ежегодно проводится конференция по вопросам монской культуры. Монские драматические произведения показываются на современной бирманской сцене. С 1957 г. преподавание монского языка вводится в Рангунском университете. В конце 1956 г. в Бирме побывал преподаватель монского языка в Институте востоковедения и африканистики Лондонского университета м-р Шорто, собравший большой материал для монско-английского словаря. Приезжают и другие ученые. К сожалению, все они стремятся увести от изучения бирманских монов — талаин к общемонским вопросам и представить территорию расселения талаин как территорию великой монской державы, издревне подвластную центру, расположенному в нынешнем Таиланде. Меня интересовала другая сторона проблемы мон: сохранились ли талаин сейчас как особый этнический элемент или же они растворились в составе бирманской нации. Посещение района Пегу позволяет, как мне кажется, поддержать мнение об ассимиляции талаин. Конечно, более обоснованное решение этого вопроса возможно только после тщательной полевой работы в районе Моульмейна и к югу от него.

Не менее значительна в этнографическом изучении Бирмы и проблема каренов и кая. В специальной литературе пока нет твердого мнения о месте каренов в этнической классификации. Одни исследователи относят каренов к группе народов таи (исторически, мне кажется, это совершенно точно: карены — древнейший из народов таи в Индокитае), другие — на основании их современной языковой принадлежности — к тибето-бирманской группе. Образование государства Кая и настойчивое нежелание самих кая считать себя каренами (в литературе кая известны как «красные карены» или карены Каренин) заставляют с особой остротой ставить вопрос о происхождении кая. Жилище, утварь, особенности питания кая очень близки к каренским. Этого, конечно, мало, чтобы обосновать их общность, но достаточно, чтобы ставить под сомнение отсутствие их близости. Интересно также мнение некоторых европейских и японских ученых (Бокка ди Виллареджа, Нидхэм, Наканэ) о близости каренов (кая) и кайян (часть так называемых «даяков» северного Калимантана). Стационарное сравнительное изучение пещерных «лодочных» погребений близ гор. Лойко могло бы пролить некоторый свет на этот вопрос.

Интересный материал собран также по национальному костюму народов Бирмы. Сравнение бытующей одежды и старых ее образцов (по публикациям до 1932 г.) позволяет сказать, что за последние десятилетия наметился явный сдвиг национального костюма в сторону развития «малайских форм» (саронга и др.).

В последние дни нашего пребывания в Бирманском Союзе в Рангуне открылась выставка национальных костюмов народов Бирмы, организованная Американско-Бирманским институтом. Институт, несомненно, располагает ценными и интересными материалами (фото, рисунки, вещевые экспонаты), но выставка производила гнетущее впечатление своей бедностью, крайней неряшливостью экспозиции и, главное, стремлением подчеркнуть примитивность, культурную отсталость народов Бирманского Союза. А ведь именно цветное и орнаментальное богатство костюмов (даже боевого костюма нага) может продемонстрировать художественный вкус и высокое развитие ремесленного производства народов Бирмы.

Следует отметить, что музейному делу в Бирманском Союзе уделяется мало внимания. Музеи не имеют четкого профиля. Экспозиции технически плохо оборудованы. Краеведческие музеи отсутствуют. Исторический музей в Мандалее не ставит перед собой задачи показать участие народа в борьбе за освобождение страны. Конечно, предметы дворцового обихода очень интересны, но не только в этом смысле исторической экспозиции. Мне кажется, что Министерству культуры Бирманского Союза стоило бы поддержать энтузиазм музейных работников Мандалея и Рангуна и больше уделить внимания пропаганде знаний через музеи.

Положение музеев в какой-то мере связано с состоянием антропологической, этнографической и археологической науки в стране. В Бирманском Союзе имеется ряд видных специалистов в этих областях знания: д-р Хтин Аун — ректор университета в Рангуне, известный своими работами в области фольклора, литературоведения, истории культуры; У Лу Пэвин — крупный археолог, автор исследований о Пагане и глава правительственной археологической комиссии; уже упоминавшаяся д-р Ми Ми Канн; про-

⁸ Выезд в район Пегу совершен нами из Рангуна благодаря любезности группы советского кинорежиссера Л. В. Варламова, снимавшего в это время фильм «Бирманский Союз».

